

Так ли возникло «греческое чудо»?

М. В. Атякшев

*I believe some things can't be explained,
They are hidden in a mist and in the silver rain...*
Candice Night «I guess it doesn't matter anymore»

Античная цивилизация является уникальной, не похожей ни на какую другую цивилизацию Древнего Мира. Уникальны и её политические институты, основанные на признании равенства граждан (равенства столь полного, что почти все государственные должности в Афинах, этой образцовой античной демократии, занимались по жребию), уникальна и её культура, впервые (насколько это известно) в истории не удовлетворившаяся имеющимися мифологическими объяснениями мироустройства – из этого и родилась философия. Но почему всё это произошло? Какие причины, какие силы вызвали к жизни эту цивилизацию, порождённую вполне традиционными («олимпийскими», по выражению М.К. Петрова) цивилизациями Древнего Востока и, однако, столь на них не похожую? На этот вопрос и попытался дать ответ в своей работе «Пираты Эгейского моря и личность» Михаил Константинович Петров.

Между крито-микенской цивилизацией и сменившей её античной, говорит он, виден срыв преемственности буквально во всех отношениях, начиная от мировосприятия, кончая письменностью (9, с. 179, 186-187). В чём причина этого, почему на том же самом месте возникла совершенно иная цивилизация, не строго иерархичная, как «олимпийские» (Египет, Вавилон, Китай или тот же Крит), но утверждающая равенство полноправных граждан; утверждающая не божественное, но вполне земное, по избранию, происхождение власти (9, с. 215); наконец, дерзнувшая усомниться в истинности своей «священной истории» - мифа? Прежде, чем отвечать на этот вопрос, следует рассмотреть самое главное, коренное отличие античности от «олимпийских» культур.

В качестве главной отличительной черты «олимпийской цивилизации» наш автор выделяет её «феноменологичность»: она «не располагает идеей всеобщего – действия, вещи, технологии, человека, бога вообще, не использует обращения ко всеобщему» (9, с. 194). «Анализируя китайские, вавилонские, египетские «вклады в науку», невольно поражаешься их бессистемности, отсутствию в них «геометричности», «внутренней формы», того, что в наше время называют структурой и моделью. Выкладки точны, но это именно выкладки, которые отделены от теории примерно той же дистанцией, что и пилосские таблички от «Историй» Фукидида» (9, с. 201) – поясняет он. Это можно объяснить тем, что «олимпийские» культуры, в отличие от античной, не подвергали свои мифы сомнению и не пытались выстроить какую-то новую схему мироздания взамен прежней – нет, новооткрытые факты и явления объяснялись исходя из традиционных представлений, оспаривать которые никто и не думал. В «олимпийской» цивилизации, как, например, в Китае, опытной науки наподобие современной не только не было, но и не могло быть – не было психологических предпосылок. В античности же подобные предпосылки существовали, и хотя опытной науки в современном смысле там не существовало, однако она могла возникнуть (9, с. 200) – вспомним, к примеру, Аристотеля.

Следует обратить внимание также и на такое важное явление, как письменность. В «олимпийских» культурах (и в том числе в крито-микенской) она существовала как государственно-профессиональный институт – писцы были немногочисленной и довольно замкнутой кастой государственных служащих (9, с. 180-182), чему способствовала и сложность самой системы письма, содержавшего множество иероглифических и идеограмматических знаков – это относится и к Египту, и к Месопотамии, и к Криту, и к Китаю (11, с. 12-32). После гибели крито-микенской цивилизации письменность (т.н. линейное письмо А и В) оказывается забыта и возрождается в архаической Греции уже

как институт индивидуально-личный – грамотность становится массовым явлением (3, с. 323; 8, с. 187). Письменность покидает канцелярию и превращается в грамотность, чему способствует и алфавитная система письма (9, с. 183-184), появляются и новые жанры письменного творчества. Изменилось и отношение к самому процессу письма, который в «олимпийских» культурах считался сродни священнодействию, а в Греции превратился в дело по преимуществу рабское (а в христианскую эпоху вновь стал считаться делом почётным и богоугодным, см., например, 8, с. 79). Письмо, по замечанию виднейшего отечественного специалиста по средневековому искусству, Цецилии Генриховны Нессельштраус, ценилось за свою неизменность, роднящую его с вечностью (8, с. 79). Это было очень ценно и для «олимпийских» цивилизаций, таких, как Египет, свято хранивший память о древнейших временах, и для христиан, хранивших Божественное Откровение и Священное Предание, но не для греков, самым радикальным образом порвавших с предшествовавшей им крито-микенской культурой. Впрочем, мы несколько отвлеклись.

Это превращение письменности в «индивидуально-универсальный навык» имело, по мнению М.К. Петрова, огромное значение – «каждому прививается *отношение к предметному миру*, причём отношение индивидуальное и в силу теоретической кумуляции отличное *от всех других сложившихся отношений*» (9, с. 185). Далее он поясняет это так: «Переход письменности в грамотность означает автоматический переход к новой психологической установке, к установке на поиски нового, ибо <...> приходится теперь *опредмечивать* наличные отношения к миру, *отрицать* их как заведомо неистинные или неполные, создавать своё-особое, дополняющее до истины отношение, то есть постоянно находиться в творческом режиме анализа наличного и синтеза нового» (9, с. 185). Получается, распространение грамотности заставило греков [Петров прямо заявляет, что это «выталкивало античных авторов <...> на позицию принудительного творчества» (9, с. 184)] «выкручиваться» и выдумывать оригинальные теории, «творить новые теоретические отношения и к миру, и ко всему предшествующему теоретическому наследству» (9, с. 184). Так и родилась эллинская философия.

Правду говоря, во всё это верится с трудом. Утверждение, будто-де «запрет на плагиат и требование соотнесённости с другими текстами волей-неволей выталкивало античных авторов <...> на позицию принудительного творчества» (9, с. 184), нам, скажем прямо, представляется сомнительным и не объясняющим самого главного (хотя, как знать, может, мы ошибаемся...). Того обстоятельства, что, грубо говоря, «списывать» у предшественников было нельзя и нужно было создавать собственный взгляд на мир, едва ли было достаточно для того, чтобы дать философам полную свободу творческой мысли, а главное – чтобы породить на свет такое интеллектуальное богатство, какое являет нам эллинская философия. Ученики в классе, пишущие сочинение, вольны писать всё, что они думают относительно заданной учителем темы, однако, несмотря на это, подавляющее большинство школьных сочинений суть пересказы услышанного на уроках и прочитанного в учебниках. Почему же греческие философы не сочиняли различные вариации на темы своей мифологии, а напротив, можно сказать, начали с того, что стали её критиковать и оспаривать? Для того, чтобы утверждать, что поэты-де изображают богов в неподобающем виде, мало необходимости выдумать что-нибудь оригинальное, нужно ещё представление о том, какими подобает быть настоящим богам. И нужен ум, способный додуматься до подобного представления. Откуда всё это взялось? Почему именно у греков, а не, к примеру, у китайцев или халдеев?

М.К. Петров выдвигает весьма необычное и остроумное предположение – эллинскую цивилизацию создало... пиратство. О том, что греки отнюдь не гнушались пиратства, свидетельствует, к примеру, «Одиссея» Гомера (например, песнь IX, ст. 39-40), на которой в немалой степени и основаны выводы М.К. Петрова. Пиратское ремесло, всегда чреватое неожиданными опасностями, требующее каждый раз нового, а не шаблонного решения, стало своеобразной школой оригинального и творческого мышления для древних греков (9, с. 223). Оно же создало и их политические институты, в

которых государственные функции исполнялись большинством населения, как в разбойном сообществе (вспомним хотя бы наш русский казачий круг. – М.А.). В Афинах стратеги избирались прямым голосованием, а все прочие должности занимались по жребию – наверное, так же, обстояло дело и на пиратских кораблях гомеровской эпохи, где кормщиком избирали самого опытного моряка, а остальные обязанности распределялись по жребию между всеми моряками, тем более, что на тогдашних судах все эти обязанности были весьма нехитрыми. Каждый пират, надо полагать, вполне мог быть и гребцом, и воином, и управляться с простым парусом древней галеры. Эта простая система и была, видимо, взята афинянами за образец при создании демократических политических институтов. Получается, эллинская цивилизация со всеми её достижениями (в том числе и философией) родилась на палубе пиратского корабля? Возможно ли это? Согласны, пиратское ремесло способствует развитию практической смекалки, самостоятельности, но могло ли оно развить ум до такой степени, чтобы тот преодолел «олимпийскую» «феноменологичность» и стал мыслить, скажем так, «систематически»? Чтобы он задумался над происхождением мироздания, пришёл к мысли, что мифы-де изображают богов в неподобающем виде (Ксенофан) и т.п.? Думаем, если мы сравним эллинов с каким-нибудь другим народом, прославившемся на ниве пиратства, мы лучше сможем понять, прав в своих предположениях М.К. Петров или же нет. Итак, мы переносимся в Скандинавию эпохи викингов.

Здесь мы точно так же видим расцвет пиратства и, как следствие, необходимость постоянно быть готовым к сражению (о расприх между вождями викингов повествует множество саг, вроде саги о Вёлунде или о Хельги, убийце Хундинга (10, с. 121-168)). И заморские походы, и войны с соседями были явлением обычным, как, надо полагать, и в Греции гомеровских времён. Как же пиратская жизнь повлияла на образ жизни и мышления, на политические институты и культуру Скандинавии?

Политическое устройство её можно охарактеризовать как аристократическое, подобное устройству Афин до реформ Солона (3, с.69) – на тинге принимали решение главы отдельных племён и родов – хёвдинги (в Исландии – жрецы - годи (2, с. 563)). Эта форма правления была, видимо, характерна для скандинавов издревле – мифы приписывают и богам (см. «Прорицание вельвы», ст. 49, 61 (10, с. 17, 19)). При этом порядки в Асгарде, обители богов царят не слишком строгие – достаточно вспомнить знаменитую «Перебранку Локи» (10, с. 94-107). Греческие боги, помнится, тоже вели себя вполне по-человечески – и Гера бранит Аполлона, возмущённого тем, что боги даровали победу Ахиллу, а не Гектору, точь-в-точь как обыкновенная земная мачеха – дерзкого пасынка (Илиада, песнь XIV, ст. 55-63).

И здесь необходимо отметить огромное различие между греками и скандинавами. Первые ещё в т.н. архаическую эпоху, в VII-VI вв. до Р.Х., усомнились в своих преданиях, в своей, если угодно, «священной истории». Конечно, усомнились лишь немногие, наиболее одарённые, такие, как Ксенофан, «Гомеровых кривд бичеватель задорный» (Диоген Лаэртский, IX, 18). Но, однако же, почему нашлись те, кто понял, или вообразил, если угодно, что боги не могут вести себя так, как описывает их Гомер? И, ещё более интересно, почему в Скандинавии, такой же, если не ещё более «пиратской» стране, чем Древняя Греция, не нашлось таких людей (по крайней мере, о них ничего не известно)?

Вот мы и подошли к главному нашему возражению теории М.К. Петрова о «пиратском» происхождении античного способа мышления. Почему этот тип мышления развился в Греции и не развился в Скандинавии, если и не такой же, то похожей «пиратской стране»? Почему философия зародилась на берегах Эгейского моря – и не зародилась на берегах морей Балтийского, Северного и Норвежского? Что помешало этому? Почему пиратское ремесло не оказалось для датчан, норвежцев и шведов столь же плодотворной школой самостоятельного, творческого мышления, как для ахейцев, дорийцев, ионийцев и эолийцев?

Грекам помогло наследие крито-микенской цивилизации? Но ведь между нею и эллинской цивилизацией нет преемственности, она оборвана, по словам того же Петрова (9, с. 179), забыта была даже письменность, возродившаяся уже в новом виде и в новом качестве (9, с. 186-187). К тому же цивилизация нового типа возникла именно как ответ на постоянную военную угрозу, с которой «олимпийская» критская цивилизация справиться не смогла. Почему же в Скандинавии, в ответ на такую же военную угрозу, не возникло ничего подобного – ни демократии, ни полисов, ни философии?

Скандинавов «испортило» христианство? Однако, Гаральд Хардрад, будучи христианином и даже зятем Ярослава Мудрого (12, с. 53-56), оставался таким же викингом, как и, например, Рангар Лодброк, принёсший во время набега на Париж в 845 г. 111 пленных франков в жертву Одину (2, с. 551).

На Скандинавию влияла христианская Европа? Но ведь и на Элладу влияли традиционные, «олимпийские» общества Передней Азии и Египта. Однако же, это не помешало рождению античной цивилизации. К тому же результат любого влияния зависит и от свойств объекта, на которого влияние направлено – все ученики слышат из уст учителя одно и то же, однако один понимает так, другой этак, а третий – вовсе никак.

Может быть, именно в этом и дело, в самих народах, а не в условиях, влиявших на них, условиях пусть и не одинаковых, но довольно похожих? Может быть, дело именно в характере, темпераменте, способностях греков, иных, нежели у скандинавов? Пиратское ремесло могло способствовать их развитию, так что, думаем, М.К. Петров отчасти прав. Но оно, как и всякое другое учение, не могло дать людям те способности, которых у них не было. Откуда же они взялись? Может быть, на этот вопрос ответит более тщательное изучение этногенеза и предыстории греков. А может быть, и не ответит. Ведь и генетика знает законы наследования, но может ли она объяснить, почему в ничем не примечательных родах рождаются порой гении?

Михаил Константинович Петров, задавшись проблемой происхождения «греческого чуда», не просто выдвинул весьма интересную и остроумную (хотя и отнюдь не бесспорную) гипотезу, но и затронул глубочайший историософский вопрос – благодаря чему народы и культуры, равно как и отдельные люди, становятся тем, чем становятся? Вследствие ли случайности, закономерностей исторического развития (каковы бы они ни были), Промысла Божьего? И какую роль играет каждая из этих причин? Кто сможет дать ответ на этот вопрос? Мы же умолкаем и заканчиваем теми же словами, которые вынесли в эпиграф нашей работы:

Верю, вещи иные понять мы пытаемся зря,
Они скрыты в тумане, за пеленою дождя...

Литература:

1. Арбман Х. Викинги / Пер. с англ. Н.В. Ерёминной. СПб., 2006.
2. Все войны мировой истории по Харперовской энциклопедии военной истории Р.Э. и Т.Н. Дюпуи/Коммент. Н.Л. И В.Н. Волковского. Кн. 1. 3500 г. до РХ. – 1000 г. по Р.Х. СПб., 2004.
3. Гаспаров М.Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М., 1996.
4. Гомер. Илиада / Пер. с др.-греч. Н.И. Гнедича. СПб., 2005.
5. Гомер. Одиссея / Пер. с др.-греч. В.А. Жуковского; примеч. М. Томашевской. М., 1986.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с др.-греч. М.Л. Гаспарова; общ. ред. и вступ. статья А.Ф. Лосева. М., 1979.
7. Конноли П. Ведение боевых действий на море / Пер. с англ. С. Лихачёвой // Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопухиной, А. Хромовой. М., 2001.
8. Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего Средневековья. СПб., 2000.

9. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.
10. Старшая Эдда / Пер. с древнеисландского А. Корсуна //Западноевропейский эпос / Пер. А. Корсуна, Ю. Корнеева. – СПб., 2002.
11. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов / Пер. с англ. А.А. Помогайбо. М., 1996.
12. Хит И. Викинги / Пер. с англ. В.Е. Качаева. М., 2004.